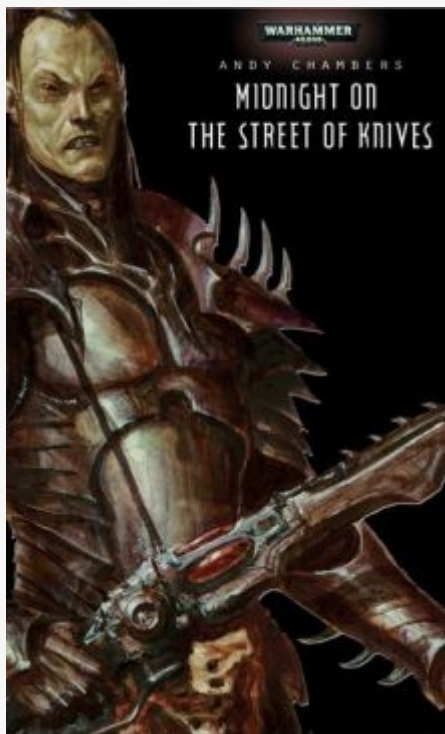

Полночь на Улице Ножей / Midnight on the Street of Knives (рассказ)

Полночь на Улице Ножей / *Midnight on the Street of Knives* (рассказ)

Автор	Энди Чемберс / Andy Chambers
Переводчик	Dammerung
Издательство	Black Library
Серия книг	Темные эльдар / Dark Eldar
Следующая книга	Путь отступника / Path of the Renegade
Год издания	2011
Экспортировать	PDF , EPUB

Комморра – город, подобного которому нет во вселенной. Он существует вне времени и пространства, в непознаваемых глубинах Моря Душ, реальности за пределами нашей реальности, которая, как утверждают саванты, породила все, что нам известно. Создатели Комморры, или, скорее, архитекторы, как они бы сами себя назвали, задумывали этот город не как нечто единое. Скорее, каждый из них использовал способы, невообразимые для менее развитых существ, чтобы создать собственные потайные анклавы в Имматериуме, служившие крепостями, убежищами, дворцами наслаждений или аренами в зависимости от прихоти хозяев. Со временем гордыня этих «архитекторов» возросла настолько, что они создали нечто, пробившее стены между реальностями. И когда все начало рушиться, они сбежали в свои анклавы, как крысы, прячущиеся по норам. Со временем, испытывая все больший страх перед ужасным ребенком, которого они зачали все вместе,

выжившие в буре приложили все усилия, чтобы объединить свои владения. Они так погрязли в пытках и убийствах, что выбора больше не было. Они должны были сделать это, чтобы кормиться друг другом и всеми остальными, кого только они могли захватить. И так рожден был вечный город.

- адепт Залинис Хуо, Еретикус Майорис.

На улице Ножей была полночь, когда Харбир заметил свою цель, движущуюся прямо навстречу, лавок примерно за шесть от него. Улица была темная и искривленная, но практически пустая, и тощая фигура слуги Беллатониса выделялась, будто в стоп-кадре, подсвеченная резким светом, исходящим от горнов. Да, Харбиру повезло, но он сам, в первую очередь, правильно выбрал место охоты, и поэтому чувствовал себя крайне самодовольно. Он был умнее, чем остальные, и именно ему достанется обещанная награда. Ожидая, он принял шепот *агарина*, посмаковал очистительную остроту в ноздрях и холодок, пробежавший по позвоночнику. О, это будет весело.

Прошел шепоток, что слуга Беллатониса покинул Красный Дом с посылкой, в спешке и, что самое важное, один. Когда Харбир об этом услышал, то прикинул, что миньон гемонкула решит срезать именно здесь. Улица Ножей была довольно безопасна на всем своем протяжении, по крайней мере, настолько безопасна, насколько это вообще было возможно в городе. Архонт Метзух не терпела досадных происшествий, которые могли бы навредить работе ее оружейников и ремесленников.

Дабы избежать неудовольствия, вызываемого подобными вещами, она направила своих инкубов патрулировать улицу Ножей, и одного присутствия их было достаточно, чтобы отпугнуть большинство возмутителей спокойствия. Возбуждение, которое испытал Харбир, увидев добычу, заставило руку рефлекторно метнуться к клинку, однако пара мрачных, закованных в броню инкубов уже пристально разглядывала его, как будто они могли чувствовать скрытые намерения. Тела по-настоящему безрассудных молодых задир – тех, кто не понимал намеков – свисали на цепях с зубчатых карнизов оружейных лавок. Их оставили там, будто приманку для геллионов, чтобы ясно дать понять остальным – в этой части города следует присмирить свои инстинкты.

Сознательным усилием Харбир разжал пальцы на полированной костяной рукояти и спокойно повернулся, чтобы взглянуть на жутко изогнутые гидра-ножи, разложенные напоказ, а слуга тем временем пробежал мимо. Естественно, в такой близости от дворца архонта все-таки происходили сражения, но только по делам такой важности, которая на несколько порядков превосходила нынешнюю.

Харбиру удалось впервые как следует рассмотреть слугу, когда тот был рядом: бледное, осунувшееся лицо, широко раскрытые красные глаза, тяжелая челюсть и угрюмый вид, который, похоже, был его постоянной чертой. Вполне подходящий вид для миньона гемонкула, который живет вивисекциями и допросами. Густые брови под безволосой макушкой были нахмурены, выражая озабоченность и что-то вроде по-ослиному упрямой решимости. Длинный рубчатый плащ из темной кожи свисал с узких плеч прислужника, столь же изящный, как частично облезшая кожа. Оружия видно не было, но он так яростно стискивал посылку, словно боялся, что она может в любой момент попытаться удрать. Кроме того, он бессвязно бормотал и ужасно вонял эфиром и требухой. Определенно, незаметно следовать за ним не составит никаких проблем. Харбир позволил зловонному глупцу пройти чуточку дальше, а затем с невинным видом побрел следом.

Ксагор еще теснее прижал к груди завернутый в кожу сосуд, полный шишковидных желез. Семена по улице, он пытался соблюсти баланс, одновременно торопясь и стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Маловероятно, что кто-то здесь попытается украсть посылку, но хозяин едва ли будет счастлив, если Ксагор хотя бы упустит ее из виду, не говоря уже о том, что потеряет. Те, кто вызвал неудовольствие хозяина, вскоре уже молили о смерти. Ксагор это хорошо знал, так как сам неоднократно обслуживал их. В руках у настолько опытного гемонкула смерть всегда заставляла себя ждать. Нет, нести сосуд и без того было плохо, но то, что он услышал, забирая его в Красном Доме, делало все гораздо, гораздо хуже.

Мастер Беллатонис всегда был жаден до новостей. Он подробнейшим образом проинструктировал всех своих слуг о том, как важно доставлять ему каждый клочок информации, догадок, молвы или сплетен, как только те коснутся их низменного слуха. Хозяин зашел так далеко, что даже продемонстрировал изменения, которые претерпели те слуги, что оказались слишком глупы или медлительны, чтобы выполнять это простое, но первостепенное правило.

Да, мастер Беллатонис очень серьезно относился к новостям, и на долю Ксагора выпало несчастье узнать такую новость, которая могла изменить все. Разобщение! Он крепче стиснул горлышко сосуда, представляя, как душит Матсильера за то, что тот ему это рассказал. Старухи предсказали, что Разобщение наступит до конца года. Этот идиот настолько возомнил о себе, что ему не терпелось поделиться секретом и показать, какая он важная птица. От этого все становилось еще хуже. Кто знает, скольким еще он это рассказал, когда известия дойдут до хозяина, или они уже дошли – и он, Ксагор, лучший и самый преданный из всех прислужников хозяина, вскоре начнет выделять содержимое из всех не предназначенных к этому отверстий.

И вот теперь он бежал вниз по улице Ножей, отчаянно пытаясь понять, как ему доставить нежеланное знание и невредимый сосуд с железами в жилище хозяина, прежде чем туда доберется кто-то еще. Новость была немаленькая. Разобщение нарушит хрупкий мир, город скатится в анархию, все преграды начнут сдвигаться, и целые ярусы могут оказаться затоплены. Оно может оказаться даже настолько сильным, что погибнет весь город. От такой перспективы желудок тошнотворно скрутило. Все в Комморре знали, что живут на краю бездны, но предпочитали это игнорировать весьма решительным образом. Смотреть же фактам в лицо было довольно неудобно.

Ксагор недолго тешил себя мыслью о том, чтоб сбежать, исходя из предположения, что уже слишком поздно, однако он всегда гордился прагматичным взглядом на жизнь. Единственная вещь, по поводу которой могли согласиться все переменчивые нравом комморские хозяева, это то, что беглецов следует наказывать с особенной выдумкой, чтобы показать пример остальным. В обществе, которое проводило бесчисленные тысячелетия, возводя причинение боли и мучений в ранг высокого искусства, это означало вещи, куда более страшные, чем относительно мягкие приступы фекального юмора, которыми страдал мастер Беллатонис. Ксагору пришлось с неохотой согласиться, что такой подход был эффективен.

Нет, правильно будет подчиниться своему первому инстинктивному желанию и поспешить назад, чтобы встретить последствия лицом к лицу. Если же он опоздал, ну что ж, хозяин иногда бывает почти... снисходительным, когда дело касается наказаний – если он сочтет, что ты старался, как мог. Возможно, хозяин даже наградит его. Оптимизм также являлся предметом гордости Ксагора. К сожалению, мысль о Разобщении подвергала эту черту нелегкому испытанию. Такие события случались и раньше, но не при жизни Ксагора, и ему казалась чудовищной сама идея того, что нечто настолько постоянное, как город, начнет меняться, ярусы станут двигаться и вращаться, будто в каком-то огромном планетарии.

Хозяин наверняка знает, что делать.

К несчастью, в шестидесяти шагах впереди улица Ножей разветвлялась на три расходящихся в стороны закоулка. А они, в свою очередь, быстро утопали в лабиринте ходов под рабскими фабриками, точно ручьи, впадающие в болото. Относительная безопасность, обеспечиваемая инкубами, здесь заканчивалась. Войти в подземный лабиринт в одиночку значило без слов признать, что ты устал от жизни и надеешься вскоре от нее избавиться. Скрытные мандрагоры, которые там обитали, прилежнейшим образом взялись бы за эту работу, довольствуясь скудной наградой в виде предсмертного вопля.

Ничего не оставалось, кроме как пройти Короткой Лестницей до канала и рискнуть, попытавшись добраться до Берилловых Врат. Если повезет, на него просто не обратят внимания, но эпикурейцы всегда были такими непредсказуемыми...

Харбир крадучись двигался вслед за прислужником, не замечавшим его. Скользя сквозь тени, он чувствовал подъем духа, от которого едва не кружилась голова. Приходилось бороться с желанием броситься вперед и вогнать клинок между лопаток ничего не подозревающего глупца. Мертвецы покачивались над ним на цепях и одобряюще ухмылялись зияющими ртами. «Иди сюда, к нам, – как будто говорили они, – мы тоже не справились со своей страстью к убийствам. У нас всегда есть место для новичка».

Харбир сглотнул и попытался сконцентрироваться. Инструкции, которые он получил, касались только посылки. Нет ничего постыдного в том, чтобы проследить за несущей ее целью, наблюдая и подслушивая. Беллатонисом интересовались многие, и им хотелось бы узнать, где ходят и что делают его миньоны. Возможно, будет какая-нибудь встреча или обмен, о которой он потом сможет доложить.

И все же какую-то часть Харбира раздражало столь скучное задание. Может быть, слуга имеет при себе что-то важное, так что убийство в любом случае окупится. Или же можно заставить его поведать что-нибудь полезное, прежде чем он умрет. К сожалению, пытки, которые Харбир мог бы учинить над слугой гемонкула в каком-нибудь переулке, без всякого сомнения вызовут у того лишь смех – но вот если его похитить...

Харбир настолько глубоко погрузился в раздумья, что лишь через мгновение осознал, что слуга пропал из виду. Его моментально захлестнула паника, граничащая с иррациональным гневом. Дурак! Бей, когда можешь – не медли!

Ксагор скачками понесся по изящным ступеням Короткой Лестницы, будто козел по горному склону, изо всех сил прижимая к себе сосуд и перемахивая через три ступени за раз. За секунду до того, как он повернул сюда, у него возникло неприятное чувство, что кто-то действительно следует за ним, и на сей раз это говорила не его хорошо развитая паранойя. Лестница предоставляла хорошую возможность оторваться от каких-либо хвостов, если только ему удастся обойтись без того, чтоб сломать себе шею.

Короткая Лестница петляла между воротами, ведущими в ярусы города, принадлежавшие Хай'крану и Метзух, извиваясь причудливыми завитками из камня, металла и стекла, которые в нескольких местах выдавались над гладкой, темной шелковой поверхностью Великого Канала Метзух. От нее беспорядочно ответвлялись другие ступеньки, винтовые лестницы и площадки, подчиняясь собственной непостижимой логике. Она называлась Короткой Лестницей, так как соединяла лишь два яруса, в то время как Длинная

Лестница за владениями Хай'крана пересекала полдюжины. Ксагор как-то слышал байку, будто Короткая Лестница образует слово или сообщение, которое видно издали, но, похоже, никто не мог точно сказать, что там написано.

Ксагору вскоре пришлось замедлить шаг. Здесь было полно открытых площадок, где Короткая Лестница просто обрывалась в воздухе, открывая потрясающий вид на Великий Канал и дрейфующие по нему прогулочные барки. Куда ближе на канал могли посмотреть те, кому не удалось вовремя заметить эти внезапные обрывы. Однако были и свои плюсы – народу здесь было больше, и это было именно то, что в чем он сейчас нуждался. Он сбавил скорость, пробираясь среди них и пытаясь не думать, что случится с Короткой Лестницей во время Разобщения, когда ярусы начнут двигаться.

Он оказался среди рабов и ценных слуг, вроде себя самого, которые спешили по поручениям своих хозяев или хозяек. Но были тут и высокородные, которые прогуливались по одному или в группах. То и дело пересекающиеся потоки рабов и слуг обходили аристократов стороной, будто вода, обтекающая камни, старательно держась на расстоянии, большем расстояния удара. Ксагор сменил направление, двинувшись к двум крупным группам высокородных, которые поднимались по лестнице.

Наплевав на осторожность, Харбир побежал по улице Ножей, ища взглядом слугу Беллатониса. К тому времени, как он добрался до ступеней, два инкуба смотрели на него уже с явной заинтересованностью. Он ринулся на лестницу и тут же притормозил, с презрением глядя на открывшиеся взору отвратительные толпы. Тощие полуголые рабы бегали вверх и вниз, будто крысы.

Он видел прислужника, направляющегося к горстке воинов, отмеченных знаками Алой Грани. Харбир снова пришлось пуститься бегом, в ярости оттого, что этот глупый, не способный заметить погоню кусок отходов создает столько проблем. Ему пришлось пережить пренеприятную потерю лица, когда он пробежал мимо каких-то аристократов, и они обменялись едкими замечаниями у него за спиной. На их месте он бы сделал то же самое, но позволить колкостям остаться без ответа – это было почти невыносимое унижение. Харбир зарубил какого-то особо тупоумного раба, который недостаточно быстро убрался с дороги, и почувствовал себя немного лучше. Отвратительное создание гемонкула умрет за это, будь оно слугой Беллатониса или нет. О последствиях он может побеспокоиться позже.

Подле канала было темно – настолько темно, что Ксагор пробрался по последнему завитку лестницы практически на ощупь, в ужасе от мысли, что стоит ему оступиться – и он уронит сосуд. Яркие освещенные прогулочные барки, скользившие мимо, скорее подчеркивали, чем рассеивали мрак.

Великий Канал описывал широкую плавную петлю через ярус Метзух, с одной стороны отделенный преградой, с другой – ограниченный дворцами архонта. Предположительно, канал некогда был заполнен чистым, ароматным наркотическим маслом, однако теперь это была странная смесь снадобий, отходов, химикатов и выделений, не поддающихся классификации. Один ее запах мог навлекать мощнейшие галлюцинации, а окунуться в это вещество означало безумие или забвение.

Набережная канала уже давно стала заповедной территорией высокородных из кабала Метзух, наиболее преданных гедонизму и чувственности и избравших их в качестве основного развлечения – эпикурейцев. Любой раб, достаточно глупый, чтобы спуститься сюда, в мгновение ока стал бы объектом охоты, да и прислужникам тут лучше было не мешкать. Шикарные притоны и залы плоти переполняли дно яруса и расползались по широким плитам набережной – точно так же, как их посетители. То там, то сям от

берегов канала отходили доки и пирсы, где стояли всевозможные вычурные транспортные средства.

Ксагор знал, что за изгибом канала, невидимый отсюда, есть узкий мост, который пересекает преграду через Берилловые ворота. За воротами находились Птичники Маликсиана, которого некоторые именовали Безумным. Благородный архонт Маликсиан был одним из наиболее почетных клиентов Беллатониса, во многом благодаря комплекту лабораторий, который архонт подарил гемонкулу. Это был знак подлинного признания, учитывая, что в то же время многим гемонкулам приходилось довольствоваться чердаками и подвалами, какие только удалось раздобыть, чтобы оборудовать там мастерскую. По Птичникам можно было безопасно добраться до самой Визжащей Башни, где Беллатонис на данный момент вел свои работы.

Харбир остановился, давая проход паре одетых в маски гуляк, прежде чем слезть по шпалерам вниз, в гостеприимную темноту на набережной. Он погрузился еще глубже в тени, озираясь в поисках своей цели. Мрак подходил под его настроение. У него было дурное предчувствие, что он потерял след. Если слуга собирался с кем-то встретиться у канала, сейчас он может быть в любом салоне или притоне из доброй дюжины. Он мог даже сесть на барку и оказаться вне досягаемости – все равно, как если бы отрастил крылья и упорхнул.

Взвешивая варианты, Харбир обдумал то небольшое, что ему было известно. Прислужник покинул Красный Дом с чем-то, чего у него не было, когда он пришел. Он был один, и уходил в спешке. Последние два факта не очень сочетались с версией насчет встречи. Он бы не торопился, если бы планировал что-то заранее, и Беллатонис едва ли поручил бы слуге выполнять что-то важное в одиночку. Наверное, в Красном Доме случилось нечто неожиданное, раз уж прислужник поспешил прочь, не дождавшись сопровождения. Так куда же он в действительности собирался? Харбир воспрял духом, когда к нему пришло понимание.

Слуга бежал напрямик к своему хозяину.

Ксагор прижал сосуд к себе и зашагал вперед, надеясь, что походка выглядела целеустремленной. С каждым шагом от ладоней вверх по рукам поднимались острые иглы боли, но он только приветствовал их. Те, кто желает послужить боли, должны сначала узнать, как переносить ее, а затем – как возлюбить ее. Так сказал Беллатонис, когда впервые пытал Ксагора. Некоторые думают, что гемонкул – всего лишь мучитель, но те, кто наделен призванием, знают, что даже самый скромный из них может возвыситься и стать чем-то гораздо большим.

На набережной царил почти полная тишина. Пронзительные завывания и вопли доносились сверху, сильно приглушенные клубами сладковатого пара, поднимающегося от канала. Ксагор уже проскользнул мимо двух устроивших дуэль высокородных и менее формальной драки между двумя группами кутил, поссорившихся из-за какого-то реального или воображаемого оскорбления, но по стандартам района это считалось затишьем. Вдали уже виднелся изогнутый высокой аркой мост к Берилловым воротам, однако отдельные группы эпикурейцев постепенно сливались в сплошную толпу. Впереди была какая-то помеха, которая, похоже, становилась все ближе. Там виднелся шипастый металлический хребет, возвышавшийся даже над самыми рослыми аристократами, и он уверенно прокладывал путь через толпу в направлении Ксагора.

Харбир осторожно пробрался по краю канала, старательно смешиваясь с толпой. Всякий раз, когда он наблюдал за дерущимися эпикурейцами, он с трудом удерживался от презрительной ухмылки при виде их ужимок. Сноровки у них было столько же, сколько у детишек на пятый год обучения – показуха, рубилово без малейшего намека на грацию. Он был уверен, что легко победит любого из них, и ему отчаянно хотелось попытать сил, но времени не было. Ему надо было пробраться по мосту и попасть в ворота. Небольшая подачка страже, и он узнает, прошел ли уже слуга – и если не прошел, тогда Харбиру достаточно будет проскользнуть внутрь и найти место для засады.

Какая-то суতোлка позади заставила его развернуться и застыть на месте. На набережную выплывала машина-убийца, ее украшенный драгоценностями нос двигался туда-сюда, точно морда зверя, ищущего след. Эпикурейцы отступали с неподобающей спешкой, видя, как приближается чудовищный агрегат. Харбир задумался, послали ли его выслеживать кого-то определенного или же он сорвался с привязи, чтобы устроить резню по собственному соизволению. Эпикурейцы рассыпались в стороны, и только одна фигура осталась недвижимой. С изумлением Харбир узнал в ней свою цель, прислужника гемонкула, который просто стоял, сжимая посылку, и пялился на усеянную клинками машину смерти, которая плавно двигалась к нему.

Ксагор распознал изготовителя этого шипастого жала еще до того, как увидел великолепную машину целиком. Это был Талос ковена Тринадцати – комплект, который четыре тысячи лет назад построил легендарный гемонкул Влокарион для увеселения архонта Йирдиира Ксана. Устройство с шелестом двигалось вперед на невидимых гравимоторах, очевидно, выискивая нового клиента, чтобы заточить в филигранной костяной клетке. Суставчатые руки, похожие на лапы насекомого, поднялись по бокам и изогнулись с утонченной злобой, демонстрируя набор клинков, пил, крюков и зондов. Большая часть аристократов осторожно убралась с пути машины, не желая привлекать ее внимание, которое теперь было занято прислужником. Ксагор же просто стоял, завороженный ее блистательной красотой.

Та подплыла ближе, явно заинтригованная его неподвижностью. Теоретически Талос был не более чем мобильной пыточной машиной, не обладающей разумом. Его сознание, его *анима* целиком исходила от клиента, которого он принимал в себя и содержал в состоянии вечной агонии. Это был полный симбиоз: Талос приобретал чувства и личность клиента, тот же получал желание и возможность делиться своим страданием с теми, кого выбирал Талос. Ксагор видел, что нынешний клиент близок к концу путешествия, и задумался, как долго тот находился в плену. Сделанный на совесть Талос работал так же искусно, как хирург. Машины же, построенные Влокарионом, как говорили, могли сохранять клиентам жизнь на протяжении веков. Также, по слухам, за тысячелетия, прошедшие после кончины их создателя, они приобрели что-то вроде странного собственного сознания.

Теперь машина парила прямо перед ним и как будто рассматривала его мерцающими сенсорами. Клиент, имевший довольно жалкий вид, задвигался в клетке и слабо захныкал. Не задумываясь, Ксагор медленно отнял одну руку от сосуда, чтобы протянуть ее вперед и погладить изогнутый металлический нос. Из пазух на блестящей шкуре Талоса частично выскользнули орудия и неуверенно вернулись на место, когда рука приблизилась.

Харбир проскользнул дальше, в гущу толпы. Убравшись на безопасное расстояние, зрители принялись расталкивать друг друга, стремясь посмотреть, как пыточная машина примется за работу. К их несомненному разочарованию, но к облегчению Харбира, устройство пока не принялось рвать этого

мелкого идиота на конфетти. Когда машина наконец раскачается, он потеряет и цель, и посылку. Сейчас Талос как будто удивлялся тому, что у кого-то хватает безрассудства стоять прямо перед ним, когда он на охоте, но это вряд ли продлится еще немного.

Он тайком нащупал под поясом флакон, содержащий фейрун. Обмазанный фейруном клинок заставлял даже неглубокие порезы источать терзающую нервы боль, от которой отравленный впадал во всеобъемлющий ужас. Обычно он использовал яд на тех, кто уже был обездвижен, потому что жертвы, как правило, пускались прочь, будто за ними мчались гончие ада.

Удача не оставила его – несколько капель фейруна еще оставалось. Быстрым, отточенным движением Харбир щедро нанес яд на клинок, озираясь в поисках подходящей жертвы. Неподалеку стояла молодая с виду женщина, украшенная пирсингом, татуированная и обнаженная до пояса. Харбир неспешно прошел мимо и быстро резанул по незащищенным ребрам, даже не сбив походку. Только в тот момент он понял, что эффект фейруна могут полностью изменить всевозможные смеси, уже находящиеся в крови эпикурейки.

Он услышал резкий вдох и негромкий крик, растворяясь в толпе, но это не был тот вопль, на который он возложил надежды отвлечь пыточную машину. Но тут толпа брызнула в стороны – машина поднялась выше и ринулась вперед за убегающей девушкой. Его цель так и осталась стоять, тупо глядя, как улетает Талос. Харбир решил впредь не спускать с глупца глаз – кто знает, какие еще он найдет способы убиться, пока Харбир собирается прикончить его в Птичниках?

Ксагор с сожалением смотрел Талосу вслед. Для почитателя боли – такого, как он – было невероятной честью подвергнуться пытке подобным устройством. Печально, но именно это, с точки зрения Талоса, делало Ксагора совершенно неподходящим клиентом.

Перебравшись через изогнутый мост и направившись к Берилловым воротам и безопасности, ждущей за ними, Ксагор понял – что-то идет не так. В такой близости от ворот уже была ясно видна преграда между Метзух и Птичниками – клубящаяся, прозрачная стена болезненных цветов, изгибающаяся во всех направлениях. За ней можно было разглядеть высокие решетчатые пики крупнейших Птичников – преграда делала их неясными, как будто они находились под водой. Ксагор покрутил сосуд между ноющими ладонями и пошел дальше. Он был уже так близок и должен был продолжать путь; единственный альтернативный путь к башне хозяина не стоило даже рассматривать.

Дорога выглядела на редкость пустой, и это вселяло беспокойство. Подойдя еще ближе к воротам, он понял, что всех, кто был впереди, заворачивают назад, и какой-то уголок его разума начал отчаянно паниковать. Подле ворот стояла группа воинов архонта Маликсиана в полном боевом облачении и, насколько мог сказать Ксагор, не пропускала никого. Он собрался было спросить кого-нибудь из недопущенных, что происходит, но решил, что это будет выглядеть подозрительно и рассердит воинов. Последователи Маликсиана часто разделяли неприязнь архонта к тому, что большая часть комморритов обычно называла «здравомыслием».

Облизнув губы, Ксагор приблизился к воинам. Они не навели на него дула своих зубчатых осколочных винтовок, и это был хороший знак. Правда, с пути они тоже не сдвинулись, и это было не очень хорошо. Он почтительно остановился на расстоянии нескольких шагов от них.

– Я... – это было все, что успел произнести Ксагор, прежде чем один из воинов лаконично оборвал его.

- Проход закрыт.

- Я по заданию хозяина, очень срочно, - залебезил Ксагор с неприятным ощущением, что вручает свою жизнь в руки воина.

- Проход. Закрыт.

Сквозь глухой шлем невозможно было прочесть, что выражало лицо солдата, но при этом он поднял руку и изобразил пальцами галочку, подчеркивая значимость слов. Другие воины, посмеиваясь, нацелили на Ксагора осколочные винтовки.

- Я служу мастеру Беллатонису! - пискнул тот.

- Так это ведь совершенно другое дело! Входите, конечно же, - ответил воин с обезоруживающей любезностью. Он отступил в сторону, зубчатые пасти винтовок опустились. Ксагор почувствовал ловушку.

- Могу ли я поинтересоваться, что происходит, почему вы не пускаете всех остальных? - спросил Ксагор со всей вежливостью, на какую был способен. Совсем недавно архонт Маликсиан и хозяин были не разлей вода, и он надеялся, что это все еще было так.

- Можете, разумеется, и если спросите, то я скажу, что вам не хотелось бы сейчас находиться в Птичниках.

- О нет.

- О да.

- Она прямо сейчас идет? Она, случаем, не только что началась или, может, подходит к концу? - Ксагор ухватился за соломинку надежды - вдруг ему повезет, и они предоставят сопровождение.

- Это исключено. Если на то пошло, то крови намечается много, и сейчас она должна уже литься по-настоящему.

- Но мне нужно как можно быстрее добраться до башни хозяина! Уверю, он вас вознаградит!

- Это. Исключено, - воин снова изобразил галочку и глубокомысленно добавил. - Если уж вы так высоко оцениваете свои шансы пробраться через Птичники пешком, то, полагаю, Летчице только в радость свежее мясо.

«Берилловые ворота» - очень неподходящее название, подумал Харбир. На фоне тонн серебристого металла, использованного при их строительстве, перекрученные и покрытые орнаментом колонны, в честь которых были названы ворота, совершенно терялись. Харбир приотстал, пока слуга разговаривал со стражниками у ворот. В конце концов они пропустили его, хоть тот, судя по виду, пошел с неохотой. Несколько ударов сердца, и Харбир сам направился к воинам. Он взвесил свои шансы на случай, если дело дойдет до драки. У них винтовки, и это сыграет против них в ближнем бою, но этого, скорее всего, не хватит, чтобы компенсировать преимущество в численности и защите.

- Проход закрыт.

Встретившись с новой проблемой, воины, казалось, вели себя настороженно. Может, прислужник сказал им что-то, что вызвало подозрения? Сообщил, что за ним гонятся? Харбир внезапно почувствовал себя,

как раб, обездвиженный перед исследованием. Он решил брать напором.

- С дороги, у меня важные дела в Птичниках, - заявил он.

Воины посмотрели друг на друга, наигранно удивляясь его дерзости. Один из них спросил:

- С кем?

В голове Харбира заметались варианты ответа. Он остановился на самой простой лжи.

- Я по поручению гемонкула Беллатониса, он нанял меня защищать своего прислужника.

Услышав это, воины обменялись какими-то едва уловимыми жестами, но Харбир не понял, что это значило. Они отошли в сторону, и один из них пригласил его пройти в ворота с издевательским поклоном.

- Тогда входите. Я уверен, вы вскоре к нему присоединитесь, - тон воина намекал на то, что их ожидала некая неотвратимая и фатальная встреча. Харбир скорчил кислую мину. Видимо, шла охота.

Ксагор, дрожа, прятался за кустом и прислушивался к ужасным крикам, что носились между шпилей Птичников, поднимавшихся со всех сторон. Несколько мгновений спустя он увидел силуэты пары геллионов, рассекавших воздух высоко над головой. Да, шла охота, и, судя по звукам, весьма оживленная.

Страсть архонта Маликсиана к летающим тварям всякого рода вошла в легенды, и он считал нужным время от времени упражнять своих питомцев. На земли Птичников выпускали несколько десятков рабов и позволяли им разбежаться, а затем открывали клетки, выпуская из них клыкастую, когтистую и ядовитую смерть во множестве крылатых обличий. Кабал архонта пускался в полет вместе со своим повелителем, чтобы насладиться болью и ужасом гибнущих рабов, ставших жертвами охоты. Они также расправлялись с любой добычей, которая обманывала себя надеждой спрятаться, или которая была достаточно отчаянна, чтобы давать отпор.

Ксагор метнулся в другой темный угол, который был ближе к цели. Он пытался перемещаться короткими перебежками. Открытое пространство вызывало у него мысли о том, что он - это то самое вкусное лакомство, за которым идет охота, да и руки уже начинали уставать от тяжелого сосуда. Переводя дух, он начал тревожиться, как бы ему не наткнуться на выпущенных рабов. Они тоже будут искать самые темные уголки, чтобы спрятаться, а архонт Маликсиан предпочитал использовать здоровых особей, чтобы его питомцы как следует потренировались. Нечеловеческий вопль прорезал темноту - близко, ближе, чем все крики, что он слышал до этого. Однако Ксагора больше забеспокоил какой-то шорох, донесшийся из кустов неподалеку.

Несколько отчаявшихся рабов обычно не стоили беспокойства, но в данных обстоятельствах прислужник был очень уязвим. Он не мог защищаться, будучи обременен сосудом, а шум драки мог привлечь внимание куда более опасных врагов в небесах. Кабалиты Маликсиана, в которых сейчас ключом бьет жажда крови, вряд ли узнают одинокого слугу Беллатониса, что уж говорить о зверях.

Ксагор собирался двинуться дальше, как вдруг раздалось хлопанье кожистых крыльев, заставившее его замереть на месте. Полдюжины хищников со стреловидными головами плавной спиралью поднимались из-за огромной, как дом, клетки по левую руку. За ними скользнул длинный темный силуэт корабля-

рейдера, на котором можно было легко разглядеть экипаж, свесившийся с открытых бортов и осматривающий землю.

Харбир невольно вспотел. Всякий раз, когда он уже готов был выпрыгнуть из укрытия и застать прислужника врасплох, проклятый глупец сбежал прямо под носом. Снова возникла идея взять слугу в плен, но она казалась ему все хуже и хуже. Если все так и пойдет, то цель просто еще раз выскользнет меж пальцев, и за все свои старания он не получит ровным счетом ничего. И это еще учитывая, что им обоим удастся не попасться на глаза зверушкам и приятелям Маликсиана.

Ответ дал отдаленный треск оружейного огня. Хотя клинок всегда приносил большее удовлетворение, у Харбира был с собой длинный, элегантный осколочный пистолет. Он пристрелит слугу и быстро обыщет тело. Посылка, которую тот тащил, могла хоть как-то окупить все унижения, которые Харбир претерпел в ходе погони. А если и нет, то, по крайней мере, месть будет свершена и он выберется отсюда, сохранив хотя бы часть достоинства.

Он вытащил пистолет и прицелился в прислужника. При таком расстоянии и в полумраке выстрел будет не из легких. Слуга внезапно замер - нарисовался рейдер, и Харбир выругался про себя. Экипаж наверняка заметит вспышку выстрела. Все, кто находился на уровне земли, были их добычей, а добыча, вооруженная пистолетом, могла запросто привлечь сюда весь кабал. С долгим страдальческим вздохом он взял в другую руку нож и начал подкрадываться поближе.

С резким свистом стая хищников рванулась вниз. Рейдер устремился за ними и вновь исчез из виду, скрытый клетками. За решетками засверкали вспышки, и миг спустя до Ксагора донесся отдаленный треск осколочного огня. Кажется, кто-то взялся за дело.

Он чуть из кожи не выпрыгнул, когда в клетку прямо позади него угодил выстрел. Слуга крутанулся на месте, от удивления едва не выронив сосуд. Не далее чем в тридцати шагах стояла фигура в темном плаще, целясь из чего-то блестящего. Ксагор побежал, спасая свою жизнь.

Пистолет протрещал еще дважды, мимо с визгом пролетел осколок - достаточно близко, чтобы ощутить, как он проходит рядом. Ксагор нырнул за угол, чтобы тот защитил его от нападающего, и в отчаянии огляделся. Он заметил низкий мостик между двумя гигантскими клетками и побежал под него, в спасительные тени.

Ксагор пытался смотреть во все стороны сразу, поэтому и споткнулся о тело в устье тоннеля. Сосуд вылетел из рук, будто смазанный маслом, и покатился в темноту. Отчаянный крик Ксагора перешел в вопль ужаса, когда вокруг поднялись когтистые силуэты и потянулись к нему из теней. Последней его мыслью было удивление - мандрагоры оказались достаточно храбры, чтобы самим охотиться в Птичниках Маликсиана Безумного.

Харбир открыл огонь почти рефлекторно, едва слышав стрельбу неподалеку, но сказал себе, что стрельба навскидку была оправдана тем, что ее заглушили чужие выстрелы. Какие-то темные силы будто сговорились против него - он промазал, не достав цель, и вместо этого только выдал свое местонахождение. Прислужник тупо вытаращился и со всех ног побежал прочь. Харбир тщательно прицелился - и в тот самый момент, как он нажал на спуск, в него что-то врезалось сзади.

От удара он растянулся на земле, но благодаря опыту, наработанному в течение всей жизни, тут же сжался в клубок и вскочил за одно биение сердца. Он скорее почувствовал, чем увидел, что некто в темноте замахивается снова. Нырнув под руку, Харбир выстрелил в едва различимый силуэт перед собой. Враг изумленно хрюкнул и повалился, брызгая горячей кровью.

Тогда на Харбира набросился еще один противник. Он понял, что это были рабы, голые, вооруженные только тем грубым оружием, какое смогли найти. Внутри вскипело презрение, и он вспыхнул от ярости при мысли, что эти существа имели дерзость напасть на него. Он распорол второму рабу руку от запястья до локтя, и под воздействием фейруна уродливое существо взвыло, будто конечность окунули в расплавленный металл. Харбир хладнокровно подсек рабу ноги, прежде чем тот успел побежать прочь.

Мучения раба были слишком вкусны, и Харбир на миг замедлился, чтобы воздать им должное. Лицо твари фантастически исказилось, и душа, чуть дрожа, с трудом покинула тело. Харбир жадно выпил ее досуха и забылся, позволив боли на несколько драгоценных секунд затмить тоску.

Успокоившись, Харбир осмотрелся, но не заметил ни следов своей цели, ни приближающихся охотников Маликсиана. Он поспешил к углу, за которым исчез прислужник. Осторожно глянув туда, он не увидел ничего, кроме очевидно пустой лужайки между нескольких громадных клеток. Затем Харбир разглядел темное отверстие туннеля между двумя из них - именно то место, куда мог бы направиться удирающий идиот.

Еще не дойдя до теней, он учуял кровь, отчего тут же замедлился и двинулся вперед с большей осторожностью. В туннеле двигались какие-то темные очертания - нечто, что выглядело, как черные силуэты на фоне мрака - мандрагоры. Одно существо склонилось над тем, что, без сомнения, было телом слуги гемонкула; позади таилось еще больше таких тварей, и они увидели Харбира в тот же миг, как он увидел их. Он нацелил пистолет и немедля открыл огонь. Не говоря о том, что мандрагоры украли его добычу, они бы наверняка попытались захватить и самого Харбира на десерт.

Выстрелы ушли во мрак, не встретив ничего существенного. Однако они заставили одного из мандрагоров выйти на открытое пространство, чтобы бросить ему вызов. Дымчатая, почти невидимая фигура, которая как будто мерцала и постоянно перемещалась, выступила вперед. Харбир кинулся на эту тварь с клинком. Если он ее одолеет, то остальные могут убраться подальше от добычи, тогда он, по крайней мере, сможет обыскать тело слуги и забрать посылку.

Он мог бы с тем же успехом сражаться с дымом. Каждый удар, который он наносил, заканчивался тем, что противник просто оказывался в другом месте. Атаки самого мандрагора как будто приходили из ниоткуда, и всех навыков Харбира едва хватало, чтобы отражать удары. При этом у него было неприятное ощущение, как будто с ним играли - чувство не из самых приятных. Он понял, что мандрагор постепенно оттесняет его к устью туннеля, ведет туда, где в засаде ждут сородичи.

Их поединок внезапно прервал пронзительный вопль, и Харбир спас себе жизнь, моментально бросившись в сторону. Бритвенно-острые лезвия пронеслись рядом на расстоянии меньше ладони, и мимо с воем пролетел геллион. Харбир перекатом ушел от второго геллиона, который спикировал на него и попытался зацепить крючковой глефой. В отчаянии он выпалил в противника залп осколков, так что от брони геллиона полетели искры. Один из крошечных снарядов нашел слабое место и пробил доспех.

Геллиона отбросило назад, скайборд врезался в землю на расстоянии нескольких широких шагов. Отчаянным прыжком Харбир подобрался к нему. Мандрагор уже исчез, но первый геллион закладывал

вираж назад, чтобы атаковать снова. Остальной кабал Маликсиана, по-видимому, ненамного от него отставал.

Харбир закрепил ступни в фиксаторах скайборда и вознесся в воздух с воплем душевной муки на губах. Все пошло не так, все было потеряно, оставалось только надеяться, что он сможет сбежать живым. По крайней мере, никчемный прислужник сдох. Он мог хоть этим себя утешить.

Мандрагор склонился над грудью Ксагора, положив острый, как бритва, коготь тому на горло. Слуге отчаянно хотелось сглотнуть, но он боялся это сделать. Вокруг, в темноте, двигались тени – и внезапно мандрагор повалился прямо на него. Ксагор был слишком изумлен, чтобы отреагировать, не в состоянии поверить, что мандрагоры собрались прямо здесь учинить над ним насилие. Мгновением позже раздался треск осколочных выстрелов, что смутило его еще больше. Все, что он мог сделать, это закрыть глаза. До слуха донеслись новые выстрелы и звон клинков.

Кажется, прошло немало времени, когда наконец тяжесть на груди исчезла, не причинив какого-либо вреда. Ксагор осторожно открыл глаза. Неподалеку на корточках сидел мандрагор и глядел на него. Призывая к молчанию, существо приложило длинный палец туда, где у него должны были быть губы, и показало в устье тоннеля. Ксагор вытянул шею, чтоб посмотреть, и в сердце непрошеным гостем разыграла надежда. Там был силуэт в плаще, тот самый, кто преследовал его по городу, он удирал на краденом скайборде. Воздух переполнял тонкий визг антигравитационных машин: кабал Маликсиана пустился в погоню. Ксагор был спасен.

Или нет? Конечно, мандрагоры могли подумать, что это только что сбежал телохранитель Ксагора, оставив его на их ласковое попечение. Они могли просто издеваться над ним в своей странной молчаливой манере. Он оглянулся на мандрагора, ища подсказки, но лицо цвета тени было непроницаемо. Появился второй мандрагор, как будто сгустившись из темноты. Он что-то держал в вытянутой вперед руке, и Ксагор невольно напрягся. С изумлением он осознал, что существо протягивает ему тот самый сосуд.

Визжащая Башня никогда не казалась столь желанным убежищем. Ксагор вошел внутрь так тихо, как только мог, чтобы не потревожить хозяина – такой проступок был чреват немалым риском. Высокая, тощая фигура Беллатониса согнулась над какими-то консолями, из которых обильным потоком изливались провода, подсоединенные к трем субъектам, прикованным к рамам для изучения. Беллатонис выпрямился и надавил на кнопку. Все трое одновременно разразились модулированными воплями боли.

– Что ты мне принес, Ксагор? Материалы из Красного Дома, я полагаю? – сказал Беллатонис, не оборачиваясь.

Он застал Ксагора врасплох, и тот немного испугался. Хозяин любил разные модификации и недавно имплантировал себе в лопатки дополнительные глаза с полностью функционирующими зрительными нервами. «Так лучше наблюдать за соперниками», – сказал он. Идея того, что хозяин может смотреть на тебя, даже повернувшись спиной, отчего-то глубоко тревожила Ксагора.

– У меня тут сосуд из Красного Дома, хозяин, – сообщил Ксагор, – но еще я принес новость чрезвычайной важности.

Это, определенно, привлекло внимание мастера. Он повернулся, демонстрируя Ксагору крючковатый нос и острый подбородок, и тот почувствовал себя так, словно вернулся в Птичники, где на него смотрели, как на лакомство для какого-нибудь питомца Маликсиана.

- Мне судить о ее важности, Ксагор, и если она действительно важна, то лучше бы тебе было не медлить по дороге обратно, - тон Беллатониса был шутливым, но жестокий огонек в глазах говорил нечто иное.

- Разобщение, хозяин. Матсильер в Красном Доме болтает со всеми клиентами, он сказал мне, что старухи предсказали Разобщение, которое наступит в городе. Скоро! - поспешно договорил Ксагор.

- Разобщение, гм? О, как интересно. Эти прелестные старушки прочли судьбы и увидели, что нашей маленькой обители проклятых пришло время встряхнуться. Должно быть, уже по всему городу разошлось, - последнее прозвучало довольно резко; Ксагор подумал, многое ли уже известно Беллатонису.

- Я сразу отправился обратно, хозяин! Я даже не дождался охраны. Меня преследовали, там был Талос и о-охота... - ушам Ксагора, которым вскоре предстояла модификация, это казалось чередой все более нелепых извинений.

- Да, да, - Беллатонис только отмахнулся. - Но сейчас ты здесь, так что, полагаю, мандрагоры, которых я послал тебя искать, сделали свое дело.

Ксагор вытаращился в изумлении. Он никогда не слышал, чтоб хозяин говорил о том, что на него работали мандрагоры. Беллатонис элегантно взял сосуд из онемевших рук прислужника.

- Не надо так удивляться. Я знал, что в Птичниках шла охота, и что ты, скорее всего, пошел бы через них, отчаянно желая поведать мне эту «новость».

- Вы уже знали, хозяин? - на Ксагора обрушилась давящая тяжесть, а Беллатонис все медлил, растягивая момент. Гемонкул наконец ответил, леденяще улыбнувшись.

- Лишь подозревал, мой верный слуга. Некоторые фракции занялись приготовлениями, и было весьма вероятно, что ты что-то об этом узнаешь в Красном Доме. Хорошая работа; это очень важная новость. Разобщение до неузнаваемости изменит все старые союзы и соперничества - что давно пора было сделать. Я изрядно пожил, и видел только три таких события - и все они приводили к очень интересным временам, помани мое слово, - продолжал Беллатонис, распечатывая сосуд. - Да, Ксагор, ты хорошо поработал, так своевременно доставив мне эти известия. Я полагаю, что ты заслужил награду. Возможно, добавочную шишковидную железу?

Беллатонис запустил длиннопалую руку в сосуд, но то, что он оттуда вытащил, показалось Ксагору подозрительно похожим на мокрую съезжившуюся голову. Гемонкул поднял ее за змееподобные черные локоны и, цокнув языком, протер лицо существа от слизи.

- Хозяин, я не понимаю.

- Позвольте представить вас друг другу. Ксагор, это Анжевер, Анжевер, это Ксагор.

Беллатонис поднял голову, демонстрируя ее Ксагору. Лицо было съезжившееся и морщинистое. Глаза и губы защиты грубыми швами, но Ксагор видел, что они все еще двигаются, и лицо искажается.

- Старуха Анжевер, - проговорил Беллатонис, подсоединяя голову к одной из консолей, за которыми он работал, когда пришел Ксагор. - Теперь иди-ка сюда. Когда я кивну, повернешь этот диск на пол-оборота

направо, а потом обратно.

Сердце Ксагора наполнилось гордостью. Его попросили ассистировать! Только он и хозяин, они работают вместе, как старые друзья. Другие слуги просто пылать будут от зависти. Беллатонис вонзил последнюю иголку в обрубок шеи Анжевер и кивнул Ксагору, который азартно крутанул диск. Из трех глоток снова вырвался тройной вопль – на сей раз занятым образом смешавшийся, как будто они кричали на один голос. Когда Ксагор вернул диск в первоначальное положение, они наконец заговорили.

- *Что ты сделал со мной?* – сказали они хором.

- *Сделал тебя своей гостьей, мерзкое старое чудовище,* – хохотнул Беллатонис, излучая удовлетворение.

- *Будешь гостить все Разобщение, по меньшей мере, а может, и дольше, если будешь плохо себя вести. Мы можем чудесно скоротать время с этими тремя свежими субъектами, к которым я тебя подключил.*

Кивок Беллатониса был почти незаметен, но Ксагор буквально впитывал в себя каждый момент и уловил жест. Он старательно крутанул диск и был вознагражден еще одним хоровым воплем и легкой улыбкой хозяина.

- *Что тебе нужно?* – просипели три голоса.

- *А, верный вопрос – нет ничего ценнее в какой бы то ни было дискуссии. В свое время мы поговорим о будущем и о том, что ты знаешь о нем, Анжевер.*

- *Будут последствия,* – сказали голоса.

- *Отчаянные времена – отчаянные меры, ведьма. И если я прав, они скоро ничего не будут значить,* – ответил Беллатонис тоном, который давал понять, что разговор окончен. Он повернулся к прислужнику с лицом, выражавшим совершенно искреннюю озабоченность.

- *Бедный Ксагор, ты выглядишь усталым. Там в вестибюле меня ждет один паренек, пригласи его зайти, а потом отправляйся прямо в свои покои. Тебе надо отдохнуть – скоро у нас появится очень много дел.*

- *Они оторвали мне лицо!* – закричал молодой мужчина.

- *Ах, оторвали? Вот так-так. Я должен на это взглянуть,* – сказал Беллатонис. – *Присаживайся.*

- *Проклятье, ты обязан его исправить! Я занимался твоим делом, и требую хоть какой-то компенсации за весь этот фарс.*

- *Разумеется, это ранение значит, что птицы оказались умнее тебя, так ведь?* – заметил Беллатонис, вынимая из кюветы нечто длинное и острое. – *А моим делом, если не изменяет память, было получение посылки, которая добралась сюда не без твоей драгоценной помощи – ну и Талоса, разумеется.*

- *Я...*

- *Притихни, Харбир, и давай-ка посмотрим, что мы можем сделать с этим лицом.*

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Полночь_на_Улице_Ножей_/Midnight_on_the_Street_of_Knives_\(pacc](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Полночь_на_Улице_Ножей_/Midnight_on_the_Street_of_Knives_(pacc)

каз)&oldid=4070

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 сентября 2019 в 09:08.